

Е.М. Сергеев**Взгляд сквозь годы. Воспоминания****(Продолжение¹)**

Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) — крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геозкология: инженерная геология, гидрогеология, геоэкология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

Глава 20. 200-летие Московского университета. Ректор И.Г. Петровский

Иван Георгиевич Петровский родился в 1901 году. По окончании Московского университета вскоре стал известным ученым в области теории дифференциальных уравнений, теории вероятностей, математической физики. Его исследования были связаны с оборонной тематикой. Упорство в труде было всегда отличительной чертой его характера. Иван Георгиевич любил свой мехмат, но когда стало ясно, что астрофизика в наше время получила большее практическое значение, чем небесная механика, и тесно связана с ядерной физикой, он принял решение о передаче подготовки астрономов на физфак, создав там в виде отдельного подразделения астрономическое отделение. Одновременно передавались все обсерватории с преподавателями и студентами. Протестов по этому поводу было много на самых разных уровнях. Выдержал ректор потому, что был уверен в своей правоте, и не ошибся. Это характеризует Ивана Георгиевича как человека, правильно понимавшего тенденции развития современной науки и умеющего их отстаивать. Он стремился превратить университет в один из центров мировой науки и культуры.

Иван Георгиевич был человек противоречивый. С одной стороны, он мог быть очень добрым, с другой — раздражаясь в пылу полемики, приводил не всегда корректные доводы.

Но справедливость требует сказать, что гораздо чаще Иван Георгиевич стремился помочь людям, которые обращались к нему как к ректору или депутату Верховного Совета. Будучи деканом геологического факультета, я зашел к Ивану Георгиевичу посоветоваться по поводу приема 1 первый курс. Увидев меня, он сказал: «Как удачно, что Вы зашли, помогите мне решить вопрос, как раз связанный с приемом. (Рядом с Иваном Георгиевичем стоял очень скромно одетый деревенского вида белобрысый паренек.). Посоветуйте, как быть. Вот товарищ приехал к нам из Башкирии, из села Дуван, из колхозной семьи. Село Дуван в двухстах километрах от железной дороги (паренек оживился и добавил: «Я до этого никогда поезда не видал»). Видите, никогда поезда не видал, а окончил школу с золотой медалью. И аттестат подтверждает его слова. А медали нет потому, что нужно утверждение в области. Пока они утвердят и пришлют нам подтверждение, несколько дней пройдет. Где и как он жить будет? Боюсь, что намучается медалист!».

— Как тебя зовут? — обратился я к парню.

— Виктор, Виктор Иванович.

— Уверен, что будет золотая медаль?

Тот кивнул головой.

— Иван Георгиевич, поручите мне этот вопрос.

— Очень хорошо, поручаю. Только Вы его не обидите?

Посмеялись. Вышли из кабинета. Спрашиваю:

— Хочешь быть геологом?

— Хочу.

— Тогда я тебя возьму к себе на кафедру грунтоведения и инженерной геологии.

¹ Начало — № 1–6 журнала «Инженерная геология» за 2016 год и № 1–6 журнала «Инженерная геология» за 2017 год.

Коротко рассказал ему о будущей специальности.

Документы и золотая медаль пришли. Все утряслось. Виктор Осипов хорошо учился и работал. Был оставлен на кафедре. Защитил кандидатскую, потом докторскую диссертацию. Стал профессором кафедры. В 1992 году избран академиком Российской Академии наук по разделу горные науки — экология.

Иван Георгиевич уделял много внимания основным вузовским ячейкам — кафедрам, совершенствованию их структуры, насыщению современным оборудованием.

После выделения геологического факультета в самостоятельную структурную единицу МГУ, Минвуз запросил Мингео, какие специалисты должны готовиться на геологическом факультете. Управление кадрами Мингео ответило: «Общего профиля, без выделения специализации». Для нас, работников геологического факультета МГУ это оказалось полной неожиданностью, так как до этого все было согласовано между Мингео и МГУ: общая структура факультета и профиль выпускаемых специалистов, специальности, вплоть до специализаций.

Пришлось мне как декану геологического факультета МГУ срочно проситься на прием к министру геологии Петру Яковлевичу Антропову, для того чтобы дезавуировать ответ его заместителя в Минвуз СССР. Антропов сам выпускник МГУ и долго этот вопрос ему объяснять было не надо. Я просто кладу перед ним письмо, подписанное от имени министерства. Антропов «бросает» мне: «Прошу остаться во время моей беседы с кадровиками». Приходят его заместитель по кадрам в форме геологического генерала и два заведующих отделами. Нас всего пять человек. Работники Мингео видят подписанное письмо и начинают волноваться. Поглядывают на меня, но я выполняю, по существу, просьбу, точнее приказ министра. Несколько минут молчания и дрожащий от гнева голос министра, обращенный к своим помощникам: «Вы чем думаете головой или задницей? Или Вы сознательно хотите загубить геологию в стране?». — «А что случилось, Петр Яковлевич?» — «Не надо меня спрашивать. Прочитайте свое собственное письмо и через час с новым вариантом приходите ко мне. Советую прислушаться к мнению декана факультета; оно совпадает с моим.»

В результате решили, что на геологическом факультете МГУ целесообразно готовить геологов по четырем отделениям: геологическому, геохимическому, геофизическому и гидрогеологическому и инженерно-геологическому. Далее более подробно рассматривались специализации и распределение по ним студентов. Всего выпуск 200 человек в год. Можно довести при необходимости до 225.

Этот эпизод обеспечил спокойную работу геологического факультета МГУ и всех его экспедиций. Вопросы, которые мы могли решить своими силами, не задумываясь, решали. Примером может служить создание на кафедре грунтоведения «Лаборатории по технической мелиорации грунтов». Возглавил ее С.С. Морозов. Это дало ему возможность увереннее принимать решения и по тематическим, и по научно-организационным вопросам.

Вокруг Сергея Сергеевича оформилась группа учеников по технической мелиорации грунтов, в связи с решением ряда проблем. В первую очередь, я назвал бы Б.В. Толстопятова, П.Ф. Мельникова, Е.Г. Борисову, С.Д. Воронкевича, Л.В. Гончарову, Р.И. Злочевскую, Г.А. Куприну, В.Г. Самойлова, Л.И. Кульчицкого, Л.А. Ев-

докимову, В.И. Баранову, Э.А. Бочко и ряд других сотрудников из других организаций, и даже городов.

Чем особенно привлекал С.С. Морозов к себе этих людей? Думаю, что не ошибусь, если скажу, что двумя своими особенностями: изучением в геолого-минералогическом направлении грунтов разного литологического состава и генезиса, и «своим божьим даром» — особой памятью. Редко ошибался Сергей Сергеевич, когда давал справку, где можно найти материал по тому или иному вопросу. Все свое свободное время Сергей Сергеевич посвящал консультациям людей, обращавшихся к нему за помощью. И к этому же он приучал большинство своих учеников и последователей.

Еще до моего прихода в деканат геологического факультета стала уточняться его структура. Были организованы кафедра геохимии, мерзлотоведения, картографическое бюро, кабинет истории геологии и другие подразделения. Совершенно нелогично было существование двух близких по своему профилю кафедр: грунтоведения и гидрогеологии и инженерной геологии. Первая существовала на геолого-почвенном факультете, вторая, которой заведовал Октавий Константинович Ланге, возникла из недр кафедры динамической геологии. Октавий Константинович по своим научным интересам был ближе к гидрогеологии, чем к инженерной геологии. Он и был утвержден заведующим кафедрой гидрогеологии.

Возник вопрос о заведующем кафедрой грунтоведения. По этому поводу со мной разговаривали И.В. Попов, С.С. Морозов и Н.В. Орнатский, предложив, неожиданно для меня, взять на себя руководство кафедрой. Аргументы были такие: «Вы еще молоды (мне тогда было 40 лет), надеемся, что кафедру и свою науку любите, должны помочь ей развиваться, расти, как декану вам это будет легче сделать, чем любому другому, а мы все поможем в решении любых вопросов. Каждому хочется иметь побольше времени для собственных научных разработок, но кому-то надо подумать и о развитии кафедры в целом». Тогда же мы обсудили дальнейшие пути развития кафедры и пришли к решению, что ее надо назвать по-новому: «кафедра грунтоведения и инженерной геологии». Когда ученые геологического факультета заказывали оборудование для нового здания, то стремились получить уже освоенное на физическом, химическом, механико-математическом факультетах, а если такового не существовало, то спроектировать более совершенные приборы, по сравнению с теми, на которых работали в производственных организациях. Примером может служить лаборатория механики грунтов, где под руководством профессора Н.В. Орнатского и доцента М.Н. Троицкой были сконструированы и установлены приборы для определения прочности грунтов различного состава, сопротивления их сдвигу, сжимаемости под нагрузкой и других физико-механических свойств.

Сейчас существуют в других странах, да и у нас тоже, более совершенные приборы. Но ведь речь идет о начале 50-х годов, а тогда первая же американская делегация во главе с профессором Лембом провела не один час в нашей лаборатории механики грунтов, знакомясь с новыми приборами, оценивая их достоинства и придирчиво выискивая в них недостатки. За последнее мы были только благодарны, потому что все изготовлялось срочно и достаточного опыта у сотрудников кафедры в этом отношении не было.

Наиболее совершенными микроскопами тогда были поляризационные, на которых мое поколение работало, будучи еще студентами. К началу 50-х годов появился новый тип микроскопа — электронный. Наша кафедра предусмотрела в новом здании лабораторию электронной микроскопии. Первые образцы электронных микроскопов были импортные и позволяли наблюдать суспензии, получать их фотографии при увеличении до 10 000 раз и более. Первая освоила этот метод на нашей кафедре Галина Гавриловна Ильинская. Открылся мир коллоидных минералов. Большую роль коллоидным минералам придавал в своих работах академик А.Е. Ферсман. Переворот в этой области произошел, когда стало возможным взять каплю глинистой суспензии и в лучах просвечивающего электронного микроскопа увидеть частицы, измеряемые долями миллиметра. Как это было интересно! Оказалось, что глинистые минералы могут иметь самую разнообразную форму, шестигранники каолинита, «растрепанные» частицы монтмориллонита, щепьевидные пластинки гидрослюды, трубчатые кристаллы галлуазита, игольчатые сепиолита, сферообразные тела органического вещества.

Стало ясно, что свойства глинистых пород зависят не только от размера слагающих их частиц, но и (и, пожалуй, в большей степени) от их минерального состава, от формы кристаллов, от того, как эти частицы реагируют с катионами, содержащимися в поровой воде. Новая модель — сканирующий электронный микроскоп — позволила при тех же огромных увеличениях увидеть породы с ненарушенной структурой. Увидеть, как глинистые минералы различной формы взаимодействуют между собой. Стала понятна микроструктура породы, от которой во многом зависят их прочностные и деформационные свойства. Итоги этих исследований были подведены значительно позже, в 1984 году в «Атласе микроструктур пород», впервые изданном в Польше на английском и русском языках. Основными авторами его являются сотрудники кафедры грунтоведения и инженерной геологии МГУ В.И. Осипов и В.Н. Соколов и профессор Варшавского университета Б.Грабовска-Ольшевска.

Сейчас на кафедре работает сконструированная сотрудниками установка, соединяющая сканирующий микроскоп с ЭВМ и позволяющая в считанные минуты давать полную графическую и количественную (числовую) характеристику всех особенностей осадочных пород. Этот метод получил международные патенты, подтвержденные за рубежом.

Реорганизация кафедры грунтоведения в кафедру грунтоведения и инженерной геологии сказалась на расширении рассматриваемых ею проблем в учебном плане самой кафедры, на тематике научных исследований, на спецкурсах и спецсеминарах, на тематике дипломных работ и кандидатских диссертаций. Хотелось бы подчеркнуть широту вопросов, разрабатываемых на кафедре: от тем, которые могут быть названы «классически» грунтоведческими, до типичных тем инженерно-геологического характера: Г.Г. Ильинская — влияние на свойства осадочных грунтов, особенности их мезоструктуры; Г.М. Березкина — причины возникновения оползней залесенного правого берега в среднем течении р. Оби; С.Д. Воронкевич — факторы, определяющие водопрочность осадочных пород Средневолжья при гидротехнических строительствах; А.К. Агошков — причины, вызывающие деформации взлетно-посадочных полос на аэродромах без

внешних нагрузок; А.С. Герасимова — инженерно-геологические условия г. Барнаула и др.

Очень важно, что для студентов кафедры была введена подмосковная учебная практика, программа и оборудование которой постоянно совершенствовались. Инициатором организации этой учебной практики был профессор Г.С. Золотарев, а затем ее бессменным руководителем стал профессор В.И. Осипов. Проходит она в районе Звенигорода.

Структура кафедры стала более дифференцированной: наряду с большими лабораториями (грунтоведение, механика грунтов) появились сравнительно небольшие лаборатории, но с хорошим современным импортным оборудованием: в их числе я могу назвать лаборатории по электронной микроскопии (Ильинская, Осипов, Соколов и др.), технической мелиорации грунтов (Морозов, Воронкевич, Гончарова и др.), региональной инженерной геологии (Трофимов, Герасимова, Зилинг, Минервин), рентгеновского анализа (Шлыков и др.). В этих лабораториях, объединяющих 5–10 человек, наиболее тесно были связаны между собой преподаватели, научные сотрудники, аспиранты, дипломники, студенты-курсовики, инженерно-технический персонал.

Сотрудники кафедры были инициаторами создания нового направления в инженерной геологии — региональной инженерной геологии. Вышла в свет «Инженерная геология СССР» — 7-томная монография, написанная большим коллективом авторов — 301 человек. Руководители этого коллектива И.В. Попов, Е.М. Сергеев, И.С. Комаров, М.В. Чуринов были удостоены в 1977 году Ленинской премии. В 1990 г. издательство «Наука» издало впервые книгу «Инженерная геология Земли» на английском языке. Авторский и редакционный состав ее интернационален.

От микромира до планеты в целом все страшно интересно. Но у одного человека больший интерес вызывает природа, у другого — достижения техники, у третьего — законы общественного развития. Я показал, как менялось лицо лишь одной кафедры — кафедры грунтоведения и инженерной геологии. Но это не исключение, а общая закономерность для большинства кафедр университета, которая всегда поддерживалась ректором Иваном Георгиевичем Петровским.

Одновременно с переездом естественных факультетов на Ленинские горы значительно изменилась структура всего университета, начиная с кафедр и кончая факультетами. Количество их возросло. Естественно, что это происходило не в один день и даже не в один год, но тенденция возрастания количества факультетов, самостоятельных институтов и лабораторий является характерной особенностью для времени, когда ректором университета был И.Г. Петровский.

Хотя университет и потерял значительную часть площадей на своей старой территории (они были переданы МГРИ, Академии наук и консерватории), но все же жизнь развивалась таким образом, что пришлось даже в этих трудных условиях открывать новый факультет психологии, Институт стран Азии и Африки, организовать Институт повышения квалификации для преподавателей общественных наук, расширить факультет журналистики. Принципиальные изменения были проведены в структуре группы естественных факультетов. Это стало возможно благодаря тому, что строительство отдельных корпусов

университета, предназначенных для новых факультетов, практически не прекращалось.

Иван Георгиевич Петровский хотел иметь помимо традиционного механико-математического факультета факультет вычислительной математики и кибернетики с вычислительным центром, оснащенным современными машинами. И эти планы ему удалось осуществить. Возглавил эти новые подразделения академик А.Н. Тихонов.

Большое значение я придаю разделению биолого-почвенного факультета на два самостоятельных: биологический и факультет почвоведения. Насколько мне известно, факультет почвоведения в университете стал первым самостоятельным факультетом не только у нас в стране, но и во всем мире. До последнего времени его возглавлял академик РАН Глеб Всеволодович Добровольский, продолживший и развивший традиции В.В. Геммерлинга.

Примерно в это же время (в 1966 г.) в МГУ был организован общеуниверситетский факультет повышения квалификации, который возглавила профессор Ирина Вячеславовна Ракобольская. Под ее руководством этим факультетом была развернута в университете огромная работа. Достаточно назвать одну цифру — к 1990 г. ФПК окончили более 60 тысяч человек.

Изменилась структура обучающихся в университете: увеличилось количество аспирантов, появились вечерние отделения, спецфакультеты для лиц, имеющих высшее образование.

Усилены были требования к занятиям. Например, студенты на IV курсе всех факультетов держали госэкзамен по иностранному языку и в случае хороших показателей получали удостоверение переводчика по своей специальности. Студенты и аспиранты стали больше привлекаться для выполнения курсовых и дипломных работ по реальным, иногда «горячим» темам, особенно если они работали в хозяйственных экспедициях. Все это требовало единого подхода в организации учебного процесса, единства в решении отдельных элементов учебного процесса на факультетах, как естественных, так и гуманитарных.

В зимние каникулы, на базе дома отдыха «Красновидово» стали проводиться «Красновидовские семинары» для работников учебных частей ректората и деканатов, а затем и для партийных работников университета и факультетов, самих деканов и их заместителей. Заслушивались сообщения разных должностных лиц, с разных факультетов, которые горячо обсуждались. Устанавливалось что-то общее для университета, что-то индивидуальное для отдельных факультетов. Приказов, распоряжений никаких не принималось. Нравится — делай, хочешь по своему — пожалуйста, но чтобы в обоих случаях качество учебного процесса повышалось не на словах, а на деле.

Вечером — отдых: кино, танцы, бильярд, в свободное дневное время — рыбалка со льда. В ней даже принимали участие наши гости из Варшавского университета, и хотя клева не было никакого, проректор по учебной части Варшавского университета профессор Рыбицкий случайно зацепил за бок небольшого судачка и с гордостью говорил: «Это потому, что у меня фамилия такая: Рыбицкий. Придется подписать договор между нашими университетами».

Престиж Московского университета стал быстро возрастать не только среди университетов, но и среди различных зарубежных политических и общественных организаций. В 1955 году торжественно отмечалось 200-ле-

тие Московского университета. Прошло только два года, как естественные факультеты получили новые здания на Ленинских горах, стали получать новое оборудование. Нельзя за такой короткий срок рассчитывать на большие результаты, но коллектив университета смог показать своим многочисленным гостям, чем мы располагаем, и со многими из них установить рабочие контакты, действующие по сегодняшний день.

В ректорате меня просили шефствовать над делегацией Белградского университета, представляющей Югославию. Она была небольшой, всего два человека: ректор Драгиша Иванович и заведующий отделом внешних связей Драгиша Стиевич. Оба прекрасно владели русским языком, а Иванович год обучался у нас в аспирантуре на физическом факультете, пока не произошел разрыв отношений между нашими странами. В США он закончил работу над своей диссертацией и вернулся на родину.

Ректор Драгиша был высокий, красивый мужчина с характерными чертами лица черногорца. Мы его прозвали «Драгиша-большой». Он не обижался, только посмеивался, тем более что его помощник был невысокий и очень подвижный — к нему очень подходило «Драгиша-маленький». Драгиша-большой всю войну находился в армии Тито в должности комиссара партизанской бригады. У него были две высокие боевые награды: звание «Народный герой Югославии» и наш советский орден — Отечественной Войны I степени. Хорошо они смотрелись рядом!

Вначале предполагалось, что на торжественном заседании в актовом зале юбиляра будут приветствовать все приехавшие университетские делегации в порядке русского алфавита, что было логично. В этом случае Белградский университет должен был идти первым. Драгиша-большой радовался, что он будет открывать шествие гостей и демонстрировал, как будет нести знамя. Но, увы, когда «наверху» узнали о предполагаемом порядке торжественного заседания, то было дано указание, что университеты должны проходить в соответствии с названием страны. В этом случае первым с приветствием выступал Софийский университет (Болгария), а последним — Белградский (Югославия). Драгиша был очень расстроен такой перестановкой и, не удержавшись, скачал: «Я так и думал, что первым югослава не выпустят, хотя он и представляет Белградский университет». Я эту перестановку объяснил ему так: «Из некоторых стран приехали не один, а несколько университетов, и они просят дать им возможность выступить не «отдельно», но «рядом». Например, из Чехословакии два университета: Карлов из Праги и университет Каменского из Братиславы. Карлов старинный университет, Братиславский — сравнительно молодой. Тут есть над чем подумать». Драгиша успокоился. А когда зал бурно приветствовал его на трибуне, увидев его боевые ордена и услышав добрые слова и пожелания, сказанные на русском языке, то он был просто счастлив.

Здесь мне хочется сделать некоторое отступление. В Московском Университете много лет проработал другой народный герой Югославии — профессор Петр Матвеевич Огибалов, которого многие знали и как секретаря парткома МГУ, и как активного коммуниста, занимавшего различные руководящие должности в университете, но не подозревали, что он имеет такое высокое звание. По присущей ему скромности. Петр Матвеевич никогда об

этом не рассказывал. Узнал я об этом от югославских товарищей. Петр Матвеевич служил в авиационной части. В одном из боев с немецкими фашистами над территорией Югославии он был ранен. А затем узнал, что ему присвоена высшая награда «Народный герой Югославии». Вернувшись в университет, Петр Матвеевич, не считал нужным широко рекламировать эту награду, ни мне, ни другим своим товарищам ничего об этом не говорил. Но везде в официальных документах это было зафиксировано, и сама награда находилась у него на руках. Произошел разрыв отношений между Советским Союзом и Югославией. Всех имевших югославские награды вызывали в райкомы партии и давали указание немедленно эти награды отослать обратно в Югославию или в посольство и отказаться от них. Истинные причины разрыва отношений не были известны, требования были жесткие, да и времена тоже.

Вызвали в РК КПСС и Петра Матвеевича. Объяснили в чем дело. Он спрашивает: «Это указание или постановление?»

— Указание для всех.

— Для всех обязательным может быть только постановление, с соответствующими подписями и печатями. Я его должен прочитать, может быть, расписаться на нем, и тогда оно для меня становится обязательным. А указание я принимаю к сведению, но выполнять пока не буду. Я эту награду кровью своей заслужил.

Сказал и ушел. Многим он тогда рисковал.

В 1968 году мы с женой приехали в Белград по приглашению ректора университета. Нас опекал Драгиша-младший. Первый день был посвящен осмотру Белграда. Красивый город. Но там, где река Сова впадает в Дунай, место редкой красоты. При своем слиянии они образуют высокий обрывистый берег, скорее уступ, с широченной панорамой. На вершине построен музей, посвященный борьбе югославского народа с фашизмом. Входишь в большой зал, где на мраморе золотом высечены фамилии героев Югославии. Драгиша показывает мне: «Вот фамилия нашего ректора Ивановича, а вот фамилия вашего профессора Московского университета Петра Огибалова». Так я впервые узнал, что мой друг — народный герой Югославии.

Спрашиваю:

— А еще есть народные герои Югославии из Советского Союза?

Жестко ответил Драгиша:

— Нет. Сейчас нет. Были, но испугались Сталина и вернули награды. Очень даже своевременно. Доски этой тогда еще не было. А то пришлось бы все переделывать.

Через несколько лет правительство Югославии приняло решение подарить каждому Народному герою Югославии виллу на берегу Средиземного моря. Петру Матвеевичу подарили виллу на острове в районе всемирно известного курорта Дубровник. Петр Матвеевич поблагодарил за подарок, но просил правительство Югославии передать его в пользование трудящимся. В ответ на этот великодушный поступок правительство Югославии приняло решение открыть на его имя счет в банке Югославии. Об этом мне тоже стало известно случайно в связи со следующим обстоятельством.

В начале семидесятых годов приехал я в столицу Черногории Титоград заключать договор о сотрудничестве между университетом Титограда и МГУ. Университет в

Титограде еще был в стадии создания. В частности, его библиотека только комплектовалась. Наша маленькая делегация привезла с собой небольшой комплект книг. Черногорцы поблагодарили и решили «отдариться» изданиями, которых, они считали, в библиотеке МГУ быть не может. Пришлось брать и благодарить. А в уме только одна мысль вертится: как их отправлять, что же делать? В это время в Титограде находился Петр Матвеевич. (У П.М. было плохо с глазами и его лечили югославские врачи.) Зашел ко мне. Я ему показываю на комнаты с книгами и жалуясь на трудности пересылки их в Москву.

— Мне бы твои заботы. Напиши, что я отправляю эти книги в МГУ.

— Да у нас с тобой у обоих денег не хватит оплатить их упаковку и отправку.

И вот тут югославские товарищи рассмеялись.

— Да неужели вы не знаете, что у Петра Матвеевича есть открытый счет в Госбанке Югославии?

Проблема решилась просто. Книги Титоградского университета были упакованы и отправлены в библиотеку за счет открытого счета Огибалова. Вот с этих первых поездок установились хорошие контакты между геологами Московского и Белградского университетов и другими югославскими геологами, работавшими в разных организациях.

Личное общение ученых привело к расширению международных связей между Московским университетом и университетами других стран. Наиболее тесные связи установились с Варшавским университетом у нашей кафедры грунтоведения и инженерной геологии.

На геологическом факультете Варшавского университета, на базе кафедры четвертичной геологии была организована подготовка инженеров-геологов. Во главе этой кафедры стоял Витольд Ковальский, к нам на стажировку приехала доцент Алина Фалькевич. А через некоторое время я выехал в Варшаву для чтения лекций по основным главам курса грунтоведения.

На перроне вокзала меня встречали Ковальский и сотрудники кафедры, среди которых были Фальковский, Барбара Грабовска, Галина Лозинска и многие другие молодые и смеющиеся, говорливые женщины, мужчин было значительно меньше — сказалась война. Идем по улице, на нас оглядываются. Предметом внимания оказалось мое длинное драповое пальто. Такие пальто в Польше носят только ксендзы. Встречающие коллеги потихоньку хихикают. Конфуз.

На следующий день познакомили меня гостеприимные хозяева со своими студентами, аспирантами, лабораториями и аудиториями. Время начинать читать лекцию. Звонок, но никто не торопится в аудиторию. Оказывается, это звонок для студентов, за двадцать минут до начала лекции. Второй звонок — и лекция началась. В аудитории народу немного, но те, кто пришел, слушают внимательно и тщательно записывают. Впечатлений от Польши было много.

Первой из Польши приехала к нам в аспирантуру на геологический факультет Женя Зимнох. Сейчас она профессор Варшавского университета. Женя защищала диссертацию под руководством академика В.И. Смирнова на кафедре полезных ископаемых, а я в то время был деканом факультета. Женя пригласила меня к себе домой на обед: «Вам будет интересно познакомиться с папой. Отец машинист, больше сидел по тюрьмам, чем работал; сейчас пенсионер».

Что ни вечер, хозяева приглашают нас в ресторан, дорогой ресторан. Я говорил, что тоже хочу участвовать в расходах, а хозяева только смеются и отвечают: «За все уже заплатил ректорат».

— Откуда же столько денег?

— Заем у США получили.

— Так ведь отдавать придется.

— Конечно.

— Когда?

— Когда это будет экономически возможно.

Деканом геологического факультета я проработал больше четырех лет. Как будто работа шла нормально, но появилось чувство усталости, захотелось сесть за письменный стол, чтобы подготовить новое издание учебника, подытожить экспедиционные исследования. Стал просить отпустить меня на кафедру, а на должность декана факультета предложил заведующего кафедрой минералогии профессора Георгия Павловича Барсанова. Вопрос был решен положительно.

В 1963 году меня пригласил к себе Иван Георгиевич Петровский. Спрашиваю у помощника:

— По какому вопросу?

— Не знаю. Но сказал, что вы обязательно должны прийти.

Прихожу. А в кабинете ректора почти все заведующие кафедрами нашего факультета. Иван Георгиевич видит, какое это на меня произвело впечатление, доволен и говорит: «Ну, вот, что я могу с ними поделать. Настаивают на вашей кандидатуре как декана факультета. Соглашайтесь! Ну как?».

Мои коллеги поняли, что наступил решающий момент, и тоже начали произносить всякие хорошие слова. Дальше тянуть нельзя, ведь просят в своем большинстве мои же учителя. И я говорю то, что еще пять минут назад казалось совершенно невозможным.

— Спасибо, Иван Георгиевич, я постараюсь оправдать ваше доверие, моих учителей и коллег. Только все так неожиданно, что никаких речей произносить сейчас не могу.

— И очень хорошо, — говорит ректор. - На этом и закончим, спасибо. Все свободны, а Евгения Михайловича я прошу задержаться.

— Вы на меня больше не сердитесь за приказ о запрещении чтения лекций доцентами?

— Иван Георгиевич, да я тогда тоже погорячился.

— Значит, будем вместе работать с полным доверием друг к другу.

Через несколько дней встретил я Михаила Васильевича Солодкова, тогдашнего секретаря парткома университета.

— Слушай, Евгений Михайлович, надо Вовченко освободить, перестал он работать, партком думает о твоей кандидатуре. А сам как думаешь?

— Я уже дал согласие вернуться обратно на должность декана геологического факультета.

— Знаю, ко мне приходили согласовывать. Я сказал: «Не годится. На другой работе хотим использовать».

— Неудобно, Михаил Васильевич, да и мне оглядеться надо. Я прошу меня сейчас больше не трогайте, как-то еще пойдет. И Вам, и мне станет многое яснее.

Григорию Даниловичу Вовченко стало действительно трудно работать проректором. Слишком много сил было вложено при строительстве университета. Но вместе с тем появилась самоуспокоенность, что все идет как надо, все идет хорошо. А если со стороны посмотреть, то мож-

но увидеть много недостатков и в работе университета, и в работе пребывания деканом геологического факультета и в Минвузе передо мною прямо поставили вопрос: «Г.Д. Вовченко переходит работать профессором по своей специальности на химфак; мы рассчитываем, что Вы дадите согласие занять его место». Для меня это был уже не неожиданный разговор. Я чувствовал, что к этому идет дело, а сам не мог для себя принять окончательного решения. Нормальные отношения были с подавляющей частью коллектива факультета. Работа идет хорошо. В ректорате — все сложнее.

Пока я обдумывал сделанное предложение, все случилось иначе. Меня очень попросили не отказываться от проректорства Иван Георгиевич, проректор по гуманитарным факультетам Николай Иванович Мохов, новый секретарь парткома Борис Михайлович Мочалов. Вернулись к этому вопросу в Минвузе.

И вот в июле состоялось официальное представление нового проректора по учебно-научной работе естественных факультетов. Оно заняло немного времени, а вот много времени ушло на знакомство с факультетами, институтами, кафедрами, лабораториями, о некоторых я только слышал, а о существовании других даже и не подозревал.

Я считал, что, прежде чем браться за решение кардинальных вопросов, надо все обстоятельно изучить. Пришлось пожертвовать своей личной научной работой. Но до того как поехать в отпуск, я успел посмотреть все факультеты, институты, кафедры, наиболее крупные лаборатории. Через неделю приехал на дачу. С одной стороны к нашему участку примыкал участок доцента Сергея Николаевича Максимова, где он отдыхал со своей семьей. Он уже месяц был в отпуске и ничего не знал об изменении моего служебного положения.

Сергей Николаевич спрашивает:

— Есть новости?

— Есть. Деканом нашего геологического факультета назначен Алексей Алексеевич Богданов. Приступил к исполнению своих служебных обязанностей. Вот скоро перестанете малыню есть, а будете моделированием усиленно заниматься.

— Нет, Евгений Михайлович, я серьезно.

— И я серьезно.

— А вы-то чем же будете заниматься?

— А мне доверили должность Вовченко, который вернулся к себе на кафедру.

Знакомство с естественными факультетами дало мне очень много. Самое главное — стало ясно, что они не стандартны по принципиальной схеме построения учебного процесса и организации научной работы. В то же время штаты кафедр часто складывались случайно. Можно привести такие примеры. На одной кафедре работали пять профессоров и два ассистента, другие категории преподавателей на кафедре отсутствовали. На другой кафедре такого же профиля — один профессор и шесть ассистентов. Сразу же встал вопрос об оптимальной модели кафедры, обеспечивающей наилучшую организацию учебного процесса и научной работы. Неясными были соотношения между лекционными, семинарскими и лабораторными занятиями у различных курсов. Стало понятно, что общее количество часов по тому или иному предмету само по себе еще ничего не значит, что при этом академические часы должны быть еще дополнительно

дифференцированы. Но эта дифференциация в значительной степени зависит от постановки вопросов и освещения их самим лектором, от обеспечения кафедры оборудованием. Всех стричь под одну гребенку нельзя.

Проректором по учебно-научной работе гуманитарных факультетов был Н.И. Мохов, мы переговорили с ним по всем вопросам, и оказалось, что они волнуют его так же, как и меня. Главная цель, которую мы перед собой ставили, — это восстановление единства университета, слияние двух групп факультетов (естественных и гуманитарных) в единый равноправный и территориально объединенный мощный учебно-научный коллектив.

Эта точка зрения получила полную поддержку со стороны Петровского и секретаря парткома МГУ Б.М. Мочалова. Проректоры по внешним связям В.М. Федосеев, затем В.И. Тропин, по административно-хозяйственной работе М.С. Унянян, М.М. Маслов, руководители профкома также придерживались этой точки зрения. Но были и такие руководители, которые стремились добиться каких-то преимуществ, исключений для возглавляемых ими организаций. Но обычно это все кончалось без больших конфликтов.

Очень важно было получить решение о строительстве на Ленинских горах новых зданий для гуманитарных факультетов для воссоединения их с естественными. Как только этот вопрос выходил за рамки университета, реакция на него обычно была отрицательной. «Как, опять деньги давать на строительство? Это после того, что для них уже сделано? Нет, надо чувство меры знать». Стало ясно, что без отдела науки и учебных заведений ЦК этот вопрос не решить. А заведующим этим отделом был только что назначен С.П. Трапезников, много лет проработавший в аппарате, но плохо знавший и организацию научной работы, и работу учебных заведений.

Чтобы не быть голословным, приведу следующий эпизод. После вступления в должность Трапезников решил провести совещание руководителей крупнейших вузов Москвы, на котором выслушать их пожелания по улучшению их работы. От Московского университета пригласили меня и предложили выступить сразу после вступительного слова Трапезникова. Оно было кратким и призывало присутствующих говорить, что они думают, не оглядываясь на руководство, понравится сказанное ему или нет.

Выступал я первым и остановился на трех вопросах: 1) среди строящихся на Ленинских горах новых объектов есть «замороженные», невыгодные для строителей и очень нужные университету; 2) прием всех категорий обучающихся в университете во много раз больше, чем это было предусмотрено проектом и это вызывает большое недо-

вольство студентов (в одноместной комнате живут два, а то и три человека); 3) Минвуз спускает нам твердые штаты, которые изменить университет не может, а между тем не хватает учебно-вспомогательного лаборантского состава и квалифицированным преподавателям приходится вместо научной работы заниматься мытьем лабораторной посуды; мы просим утверждать нам численность и фонд зарплаты, исходя из этого университет сам будет устанавливать штатные должности по факультетам и кафедрам.

Сергей Павлович никаких замечаний по моему выступлению не сделал. Но когда ректор Нефтяного института, сославшись на мое выступление, сказал, что и у них тоже не хватает учебно- и научно-вспомогательного персонала, вследствие чего преподаватели и научные работники нерационально тратят свое рабочее время, Трапезников взорвался: «Вы уже второй, кто поднимает вопрос о лаборантах. Я работал проректором в Институте марксизма-ленинизма на протяжении полугода. Мы, наоборот, не знали, что нам делать с бывшими там лаборантами. Принесут чай, уберут грязную посуду и не знают, чем им еще заняться. Мы не знали, как от них избавиться, а вы ставите вопрос об увеличении их числа». Наступило неловкое молчание, после которого мы разъяснили Сергею Павловичу, какая разница существует между лаборантами, подающими чай и обслуживающими практически занятия и сложные механизмы, с которыми студентам приходится иметь дело во время занятий. На такие вещи он не обижался и даже сам вызывал на откровенный разговор. Мне вскоре задал такой вопрос:

— Скажите откровенно, чем больше всего недовольны студенты в своей повседневной жизни?

— Тем, что их уплотняют в общежитиях за счет увеличения приема сверх плана студентов, аспирантов, стажеров. В комнате, рассчитанной на одного человека, живут двое-трое. Удовольствие небольшое.

— Как исправить положение?

— Сейчас заканчивается строительство «Дома нового быта». Это очередная преждевременная фантазия архитекторов. Ломают голову, что с ним делать? А ведь там 1000 мест. Передайте его, Сергей Павлович, университету. Хотя это и не полное решение вопроса, но значительно облегчит положение в общежитиях МГУ.

— Давайте письмо на мое имя.

Очень скоро вопрос был решен положительно. Мы получили еще одну должность зам. проректора по хозяйственной части. На нее была назначена Маргарита Сергеевна Хвалынская, и благодаря ее энергии и напористости к следующему учебному году университет получил «Дом аспирантов и стажеров» на 1000 человек. Выручает это здание университет и сейчас. ☺

Подписка на журналы

www.geomark.ru